

ПРОВАЛ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И ПРИЧИНЫ КРАХА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В середине 1960-х гг. состояние советской экономики характеризовалось экстенсивным характером производства, ухудшением таких важнейших показателей, как производительность труда, фондоотдача, национальный доход. СССР существенно отставал от Западной Европы и США по уровню личного потребления. Все медленнее внедрялись научно-технические достижения¹. Сложились предпосылки для кардинального реформирования экономики.

Основные положения реформы 1965-67 гг. предполагали соединение системы централизованного планирования и таких по сути рыночных компонентов, как прибыль, рентабельность, цена, кредит, материальное стимулирование. Существенно расширялась самостоятельность предприятий, признавалась важность материального стимулирования, намечалось активное использование товарно-денежных отношений.

Несмотря на положительную динамику развития народного хозяйства во второй половине 1960-х гг., которую связывают с успехами реализации реформы, довести преобразования до конца не удалось. Официально реформы прекращены не были. Однако силы, противостоящие изменениям, все активнее усугубляли тенденцию к их затуханию. В результате выхолащивания всех либеральных начал реформы, перехода сначала к решению лишь оперативных вопросов, а затем к возврату директивных показателей и реставрации жесткого централизованного управления партийная номенклатура и министерства свели реформу на нет. Временное улучшение основных количественных и качественных показателей экономического развития сменилось их отрицательной динамикой.

В научной литературе многочисленные исследования посвящены выявлению причин провала реформы хозяйственного механизма и попыток модернизации советской экономической системы.

Глубокий анализ работ зарубежных ученых, исследовавших причины неудачи реформы, дан в исследовании В.В. Дроздова². Представленные точки зрения на данный вопрос можно систематизировать следующим образом.

1. Основной причиной провала экономической реформы 1965-67 гг. стало не столько наличие в ее концепции внутренних противоречий, сколько активное противодействие со стороны консервативных сил внутри страны — представителей партийной номенклатуры и работников плановых органов. Данной точки зрения придерживались Л. Шапиро, Д. Дайкер, К. Рьявек, Дж. Хоскинг.

2. Провал экономической реформы был обусловлен несовершенством ее концепции, в результате чего система оставалась неизменной, а реформы лишь привели к появлению варианта директивного планового хозяйства.

Данная позиция отражена в работах П. Грегори, Р. Стюарта, Ж.-М. Шовье, И. Тротиньона, Р. Дэвиса, Г.-Г. Хеманна.

3. В качестве основной причины неудачи реформы И. Бирман, Ж. Эллейнштейн отмечают принципиальную невозможность изменения режима собственности.

4. Реформы потерпели неудачу по причине недостаточного развития демократических начал в СССР. Так, по мнению Ш.-Э. Лагасса, реформирование экономики страны могло быть успешным при условии расширения демократических прав и свобод.

Сворачивание и фактически провал экономической реформы 1965-67 гг. положили начало череде неудачных попыток реформировать хозяйственный механизм и вывести экономику СССР из затяжного системного кризиса. Однако все осуществлявшиеся мероприятия были по сути «реформой в рамках системы», характеризовались низкой степенью эффективности и консерватизмом, не предполагали принципиального изменения советской экономической политики. Каждая новая попытка реформирования на тот момент уже нежизнеспособной системы только приближала ее к неизбежному краху.

В этой связи принципиальный интерес представляет не только анализ причин неудач в каждом конкретном случае, когда предпринимались попытки реформировать советский хозяйственный механизм, но и выявление интегральной причины краха советской экономической системы.

В современной зарубежной и отечественной литературе существует множество точек зрения на данный вопрос. Большинство авторов сходятся во мнении, что по своему характеру советская экономика была деформирована и монополизирована, обладала высокой степенью милитаризации. Как важный фактор крушения системы, отмечается отсутствие необходимых экономических мотиваций. К числу важных причин отечественные и зарубежные авторы причисляют отсутствие предпринимательства как экономического феномена, направленного на реализацию инноваций и создание новых комбинаций факторов производства.

Существуют и альтернативные точки зрения. Так, М. Харрисон³ отмечал, что «советская политико-экономическая система была хоть и не слишком динамичной и определенно не беспроблемной, но стабильной и имела необходимые атрибуты легитимности»⁴.

Харрисон обосновывает свою позицию, используя такую категорию, как «принуждение», которое он определяет как «командную власть плановиков, не ограниченную нормами права, но и не абсолютную, и обязанность производителей подчиняться решениям плановиков»⁵. В советской экономике объем выпуска зависел от усилий производителей, а пропорции его распределения между плановиками (экономическими принципалами) и производителями — от уровня и характера принуждения, применяемого плановиками и не сдерживаемого законом. Ученый выделял три важнейшие аспекта принуждения⁶:

1. Мобилизация, которая предполагала изъятие конечного продукта у производителей, возвращение им основного заработка, удержание остального в качестве ренты и распределение в соответствии с целями народнохозяйственного развития и обороны.

2. Контроль посредством ведения учета затрат и выпуска, что в свою очередь сопряжено с издержками. Плановики, по мнению Харрисона, стояли перед выбором: контролировать и нести расходы на контроль либо не контролировать, а значит, позволить производителям присваивать часть продукции.

3. Механизмы стимулирования. Доход плановиков в значительной степени зависел от усилий производителей, которые не могли быть проконтролированы. Издержки контроля за усилиями производителей были запретительно высокими. Плановики были вынуждены создать искусственную систему поощрений и наказаний, достаточную для компенсации тяжести труда. Причем градиент наказаний и поощрений задавался административно, а не автоматически рыночным механизмом. Эффективные наказания обходились плановикам дешевле вознаграждений.

Анализируя взаимосвязь уровня усилий и уровня принуждения, Харрисон сделал вывод, что они зеркально отражают друг друга, и обосновал возможность достижения равновесия при высоком уровне производства.

В послевоенный период рост расходов на контроль негативно сказывался на состоянии советской экономической системы. Усложнение народнохозяйственных связей повышало требования к осуществлению контроля, что приводило к непрерывному увеличению общих расходов. Аналогичным образом на уровень издержек контроля влияло освоение новых продуктов и технологических процессов. Снижение темпов роста экономики и рост издержек контроля, по мнению Харрисона, заставили плановиков осуществить серию экономических реформ, направленных на перестройку системы стимулирования. Однако существовавшие проблемы не находили решения, провоцируя возникновение все новых циклов реформ и контрреформ. «Таким образом, — подчеркивал Харрисон, — реформы не смогли сдержать рост расходов на контроль, а управление производственной деятельностью по-прежнему продолжало требовать пристального внимания плановиков»⁷.

В итоге советская экономическая система приближалась к своему краху по трем направлениям: сокращению усилий, сокращению контроля, падению доходов. Однако, по модели Харрисона, отказ производителей от усилий при прочих равных условиях должен был привести к усилению контроля, а не послужить поводом для отказа от него. За отказом производителей от усилий должно было бы следовать повышение наказаний. Однако этого не произошло. Постепенное повышение расходов на контроль могло вызвать отказ от дальнейшего содержания контрольного механизма, следовательно, отказ от затраты усилий.

Харрисон подчеркивал, что в итоге контроль стал убыточным для плановиков. «Максимальное вознаграждение, которое они могли предложить

производителям за высокие усилия, перестало быть эффективным»⁸. Попытки компенсировать рост расходов на контроль и неэффективность поощрений путем ужесточения наказаний спровоцировали общественное и политическое сопротивление. Волна забастовок в 1989 г. стала сигналом к тому, что снижение уровня наказаний побуждает производителей к усилению требований о росте вознаграждений. Невозможность налагать наказания и увеличивать вознаграждение свидетельствовала о полной потере эффективности существовавших механизмов стимулирования.

Харрисон резюмировал⁹:

1. «Нестабильность не является характеристикой, внутренне присущей командной экономике.

2. Толчком для коллапса стало снижение уровня контроля со стороны плановиков, когда сочетание высокого уровня принуждения и усилий перестало максимизировать выгоды производителей. Отказ от контроля повлек за собой отказ производителей от трудовых усилий и последующую конверсию власти.

3. Советская экономика была стабильной вплоть до своего коллапса». По мнению М. Харрисона, непрерывный рост расходов на контроль, подорвавший систему, был экзогенным фактором по отношению к командной экономике. Таким образом, одни лишь системные характеристики советской экономики не предопределяли ее будущий крах.

М. Кастельс, напротив, видел причину разрушения советской экономической системы в воздействии специфических эндогенных факторов¹⁰. Точка зрения ученого состоит в том, что «жесточайший кризис, который сотрясал основы советской экономики и общества, начиная с середины 1970-х годов, был выражением структурной неспособности этатизма и советского варианта индустриализма обеспечить переход к информационному обществу»¹¹.

С точки зрения Кастельса, системные дисфункции в советской экономике возникли и нарастали по мере того, как усложнялись хозяйственные связи, повышалась степень организационной диверсификации, возрастало влияние технологических изменений на производственные процессы. Кроме того, размер экономики, «функционально взаимозависимой в огромных географических масштабах, превысил возможности программного мастерства работников Госплана»¹².

Важным фактором нарастания кризисных явлений была международная изоляция советской экономики, послужившая причиной неконкурентоспособности продукции промышленности и сельского хозяйства СССР в мировой экономике. Результатом стал массивный экспорт нефти, газа, сырья и драгоценных металлов, доля которых в советском экспорте достигла 90%. Кроме того, как подчеркивал Кастельс, «две трети такого экспорта составляли нефть и газ»¹³. По его мнению, такая порочная структура экспорта была крайне уязвимой для колебаний мировых цен на энергоресурсы.

Возможно, самым губительным фактором, обусловившим глубокий системный кризис советской экономики, по мнению Кастельса, был чрезмерно разросшийся военно-промышленный комплекс и невозможный оборонный бюджет. В 1980-х гг. военные расходы СССР составляли от 15 до 25% ВВП, в разы превышая соответствующую долю ВВП США. Около 40% промышленного производства было связано с обороной, а объем производства предприятий ВПК достигал 70% всего промышленного производства¹⁴. Таким образом, советский ВПК поглощал лучшую часть промышленного, а также человеческого и технологического потенциала страны. «Военно-промышленный сектор, — делает заключение Кастельс, — действовал в советской экономике, как черная дыра, поглощая большую часть творческой энергии общества, исчезавшей в невидимой бездне»¹⁵.

Особое внимание Кастельс уделяет факту существенного технологического отставания СССР от экономически развитых стран. Причинами снижения темпов роста экономики были снижение темпа технического обновления фондов и исчерпание потенциала модели индустриализации, основанной на экстенсивном использовании труда, капитала и природных ресурсов¹⁶. Парадокс в том, что, несмотря на массивные инвестиции в науку, НИОКР и в обучение инженерно-технического персонала, к концу 1980-х гг. Советский Союз не имел паритета с США ни в одной технологической области. Наука была оторвана от производства, что было обусловлено особенностями самой системы¹⁷. Таким образом, причина отставания заключалась не в недостатке ресурсов или человеческом факторе, а в неспособности самой системы, прозевавшей перелом в научно-технической революции и пытавшейся угнаться за развитием технологий путем их заимствования, «интегрировать желанную научно-техническую революцию»¹⁸.

Кастельс полагает, что в ядре технологического кризиса СССР лежала фундаментальная логика этатистской системы, характеризовавшаяся подавляющим приоритетом военной мощи, политико-идеологическим контролем над информацией со стороны государства, бюрократическими принципами централизованно планируемой экономики, изоляцией от остального мира и неспособностью технологически модернизировать некоторые сегменты экономики и общества, не изменяя всю систему¹⁹. Важнейшими приоритетами оставались не технические инновации, а перенос технологий и экспорт нефти и газа. В результате не произошел переход к интенсивной модели развития. Усилилась технологическое отставание СССР от экономически развитых стран. Данный технологический разрыв явился одним из основных факторов коллапса советской экономики.

Безусловно, большой интерес на рассматриваемую проблему представляет точка зрения видного венгерского экономиста Я. Корнаи. Первое, на что он обратил внимание, — присущая социалистической экономической системе сверхцентрализация. Корнаи пришел к выводу, что государственная планово-экономическая система тормозит развитие инициативы на местах, сдерживает стремление отдельных хозяйственников

улучшать производственные показатели. Объективно этому способствует директивное планирование.

Социалистическую экономику Корнаи рассматривал как экономику хронического дефицита, что нашло отражение в фундаментальных трудах «Дефицит»²⁰ и «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма»²¹.

Ученый рассматривал не дефицит, который встречается так или иначе в любой экономической системе, а дефицит особого рода — хронический и интенсивный, поражающий постепенно и неотвратно экономику в целом. Хронический дефицит, по мнению Корнаи, является не исключительным случаем, а имманентным состоянием социалистической системы, приводя к огромным экономическим убыткам и деградации всей системы общественных отношений. Кроме того, ученый опроверг утверждение, что дефицит намеренно создается самой бюрократией. Корнаи подчеркивал, что не воля ограниченного круга людей, а сама система вызывает к жизни дефицит и обеспечивает его непрерывное воспроизводство²².

Важнейшую причину возникновения тотального дефицита Корнаи видел в проблеме мягких бюджетных ограничений. Он выделял три основные группы ограничений, с которыми сталкивается предприятие в связи с ростом производства²³:

- 1) ограничения, обусловленные ресурсами;
- 2) ограничения, обусловленные спросом;
- 3) бюджетные ограничения, предполагающие, что денежные расходы предприятия меньше или равны сумме денежных фондов и денежных доходов предприятия.

По мнению Корнаи, ресурсные ограничения материальны по своей природе. Соответственно, «ограничения, связанные с недостатком ресурсов, невозможно нарушить, они тверды, как скала»²⁴. Ограничения, обусловленные спросом, и бюджетные ограничения выражают не физическую необходимость, а закономерности поведения. То, насколько жесткими или мягкими являются ограничения, зависит от конкретных условий и особенностей общественных отношений, которые определяют правила поведения. Корнаи утверждал, что, в отличие от жестких ограничений поведения, мягкие ограничения никогда не бывают эффективными.

В своем исследовании он противопоставлял два т.н. чистых вида предприятий — классическое капиталистическое и традиционное социалистическое, функционирующее в традиционной социалистической системе управления. Для капиталистического предприятия наиболее эффективны ограничения, обусловленные спросом. Для социалистического предприятия, напротив, большей эффективностью обладают ресурсные ограничения.

Капиталистическое предприятие, функционирующее в условиях жесткого бюджетного ограничения, не производит продукции больше, чем рассчитывает продать. Осуществлять закупки или заимствования оно может

лишь в счет будущих доходов от реализации готовой продукции. Кроме того, планирование производства на капиталистическом предприятии осуществляется в соответствии со спросом. Предприятие не может себе позволить значительно отклоняться от ожидаемых объемов реализации.

Традиционное социалистическое предприятие действует в условиях мягких бюджетных ограничений, в результате чего его убыточность вовсе не обязательно приводит к банкротству. Государство выдает предприятию кредит, снижает налоговые ставки, осуществляет дотацию, повышает цену на выпускаемую продукцию, в результате чего гибели предприятия не происходит. Кроме того, отсутствует жесткое ограничение производственного спроса такого предприятия со стороны платежеспособности. «Выступая в качестве потребителя, предприятие стремится приобрести как можно больше ресурсов, чтобы их дефицит не сдерживал выпуск продукции. Точно так же выглядит и другая сторона явления: предприятие, как поставщик, сталкивается с почти ненасыщаемым спросом на свои изделия. ...Такой ненасыщаемый спрос буквально выкачивает как насосом готовую продукцию»²⁵.

По мнению Корнаи, в социалистической экономике отношения между государством и предприятием характеризуются высокой степенью патернализма, который является прямой формой смягчения бюджетного ограничения. Государство непрерывно финансирует убыточные предприятия, что избавляет их от поиска наиболее рационального использования ресурсов. В итоге они продолжают функционировать, не оптимизируя свою работу. В данных условиях предприятия постоянно испытывают нужду в дополнительных ресурсах. Отрасли же, от них зависящие, также страдают в результате недопроизводства.

Корнаи описал следующие формы приспособления хозяйствующих субъектов к условиям дефицита²⁶:

1. Снижение производства до уровня, который позволяет осуществлять дефицитный ресурс до т. н. узкого места, в результате чего формируется резерв ресурсов, не задействованных в процессе производства.

2. Вынужденная замена, т. е. изменение в структуре затрат, вызванное нехваткой дефицитного ресурса. В большинстве случаев вынужденная замена приводит к снижению качества выпускаемой продукции.

3. Изменение структуры выпускаемой продукции в соответствии с имеющимися ресурсами, что порождает порочную практику выпуска не востребованной продукции, а той, производство которой возможно в сложившихся условиях.

Предприятия, зависящие друг от друга и использующие продукцию друг друга в процессе хозяйствования, приспособляются к дефициту перечисленными выше способами. «Так дефицит порождает дефицит. Воздействие вызываемых им вынужденных приспособлений накапливается и распространяется в процессе производства»²⁷. В результате дефицит неизбежно охватывает всю систему.

В условиях хронического дефицита наиболее разрушается сфера производства. Предприятие в социалистической экономике реализует свой товар без всяких затруднений, так как любое предприятие-потребитель готово принять продукцию низкого качества. В результате «смещение соотношения сил в пользу поставщика усиливает количественный рост производимой продукции и снижает ее качество»²⁸. Исчезновение той внутренней движущей силы, которая подталкивала бы производство к постоянному качественному обновлению Корнаи считал самым тяжелым последствием хронического дефицита.

По мнению ученого, хронический дефицит является неотъемлемым, природным элементом социалистической экономической системы, который невозможно ликвидировать с помощью каких бы то ни было преобразований.

Корнаи утверждал, что описанные явления в социалистической экономике (классической системе) порождены в первую очередь существующим политическим устройством, когда власть в лице коммунистической партии может быть представлена в качестве т.н. генетического кода системы, разрушение которого неминуемо ведет к ее гибели.

Ученый выделял следующие основополагающие признаки классической системы²⁹:

1. «Безраздельная власть марксистско-ленинской партии, доминирующее влияние официальной идеологии.
2. Господство государственной и квазигосударственной собственности.
3. Полное преобладание бюрократической координации.
4. Интересы, мотивации, поведение действующих лиц системы: согласование планов, погоня за количеством, патернализм, мягкие бюджетные ограничения, слабая чувствительность к ценам.
5. Устойчивые, постоянно наблюдаемые экономические явления: форсированный рост, хронически дефицитная экономика, нехватка рабочей силы и скрытая безработица на предприятиях, специфическая роль внешней торговли».

Итак, генетическим кодом системы является специфическая политическая структура и идеология. Этот генетический код, по утверждению Корнаи, «формирует общество по своему образу и подобию, создает целостную систему, отдельные элементы которой взаимосвязаны, предполагают и усиливают друг друга»³⁰. В связи с этим реформы, имеющие своей целью изменить способы координации, поведение, устойчивые экономические связи, но оставляющие неприкосновенным генетический код системы, обречены на провал. «До тех пор, пока сохраняется безраздельное господство коммунистической партии и государственного сектора, социалистическая система неспособна к обновлению, которое избавит ее от многочисленных дисфункций»³¹.

Корнаи не отрицал существования социалистической экономики в принципе, считал ее крепкой и долговечной, но утверждал, что подобная система неререформируема и способна функционировать лишь в первоизданном

виде. Любые попытки улучшить ее, не подвергая при этом коренной ломке, приводят к усугублению кризисных явлений. Ученый писал, что «система тклет столь плотную ткань, что достаточно порваться лишь одной нити, чтобы вся ткань рано или поздно поползла³². Сама структура социалистической системы, остатки прежней идеологии, сохраняющиеся в процессе половинчатых реформ, а также неизменные отношения собственности «обрекают на провал любые попытки воплотить в жизнь идеи рыночного социализма и построить жизнеспособную социально-экономическую систему»³³.

На этой основе Корнаи опроверг утверждения исследователей, которые заявляют о возможности поиска для бывших социалистических стран третьего пути, в результате которого можно было бы соединить принципы социализма и рыночной экономики. Он принципиально отвергает эту идею как антинаучную и утопическую.

История подтвердила точку зрения Корнаи. Все предпринимаемые попытки улучшения советской экономической системы приводили исключительно к усугублению кризисных явлений в экономике. В результате перед страной встал непростой выбор: продолжать поддерживать (но не реформировать) существующую систему с ее непреодолимыми противоречиями или начать строить рыночную экономику. В условиях партийного диктата 1960-1980-х гг. о последнем нельзя было даже думать. Лишь последующее ослабление партийного влияния позволило развернуть в стране процесс перехода к рынку.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Ульянова О.А.* Исторические предпосылки экономических реформ национальной экономики во второй половине XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Экономика». 2010, № 10(71).

² *Дроздов В.В.* Экономические реформы в СССР (1953-1985). Взгляды зарубежных ученых. М.: ТЕИС, 1998.

³ *Харрисон М.* Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 6. М., 2001.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 125-127.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Там же. С. 137-138.

¹⁰ *Кастельс М., Киселева Э.* Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России. 1999, № 3.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 24-27.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

²¹ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма // Вопросы экономики», 2000.

²² *Тебиев Б.К., Лаврентьева Я.Г.* Янош Корнаи — выдающийся ученый-экономист современности. М.: Изд. дом МПА-Пресс, 2011. С. 26-27.

---

²³ Корнаи Я. Дефицит. С. 48-49.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ Тебиев Б.К., Лаврентьева Я.Г. Указ. соч. С. 30.

²⁷ Карнаи Я. Дефицит. С. 66.

²⁸ Там же. С. 146.

²⁹ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 389-392.

³⁰ Там же. С. 404.

³¹ Там же. С. 406.

³² Там же. С. 411.

³³ Там же. С. 541.

1. Podrobnее sm.: Ul'janova O.A. Istoricheskie predposylki jekonomicheskikh reform nacional'noj jekonomiki vo vtoroj polovine XX v. // Vestnik RGGU. Serija «Jekonomika». 2010, № 10(71).
2. Drozdov V.V. Jekonomicheskie reformy v SSSR (1953-1985). Vzglyady zarubezhnyh uchenyh. M.: TEIS, 1998.
3. Harrison M. Stabil'ny li komandnye sistemy? Pochemu poterpela krah sovetskaja jekonomika? // Jekonomicheskaja istorija. Obozrenie / Pod red. L.I. Borodkina. Vyp. 6. M., 2001.
4. Tam zhe. S. 122.
5. Tam zhe. S. 128.
6. Tam zhe. S. 125-127.
7. Tam zhe.
8. Tam zhe. S. 136.
9. Tam zhe. S. 137-138.
10. Kastel's M., Kiseleva Je. Krizis industrial'nogo jetatizma i kollaps Sovetskogo Sojuza // Mir Rossii. 1999, № 3.
11. Tam zhe. S. 6.
12. Tam zhe. S. 15.
13. Tam zhe. S. 16.
14. Sm.: tam zhe.
15. Tam zhe. S. 17.
16. Tam zhe. S. 18.
17. Tam zhe. S. 24-27.
18. Tam zhe. S. 21.
19. Tam zhe. S. 27.
20. Kornai Ja. Deficit. M.: Nauka, 1990.
21. Kornai Ja. Socialisticheskaja sistema. Politicheskaja jekonomija kommunizma // Voprosy jekonomiki», 2000.
22. Tebiev B.K., Lavrent'eva Ja.G. Janosh Kornai — vydajuvijsja uchenyj-jekonomist sovremennosti. M.: Izd. dom MPA-Press, 2011. S. 26-27.
23. Kornai Ja. Deficit. S. 48-49.
24. Tam zhe. S. 51.
25. Tam zhe. S. 54.
26. Tebiev B.K., Lavrent'eva Ja.G. Uказ. soч. S. 30.
27. Karnai Ja. Deficit. S. 66.
28. Tam zhe. S. 146.
29. Kornai Ja. Socialisticheskaja sistema. Politicheskaja jekonomija kommunizma. S. 389-392.
30. Tam zhe. S. 404.
31. Tam zhe. S. 406.
32. Tam zhe. C. 411.
33. Tam zhe. S. 541.